

Забавин В.О.

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Реферат: В статье рассмотрены вопросы, связанные с культурогенезом срубной культуры в Северном Приазовье, ее появлением здесь и начальным этапом развития. Приведен историографический обзор проблематики, рассмотрены основные концепции генезиса и развития срубной культуры в исследуемом регионе. Выделен пласт древнейших погребений срубной культуры Северного Приазовья, характеризующихся трансформированными покровскими чертами. Подобные комплексы признаются наиболее ранними для срубной культуры региона, следующими по времени за памятниками культурного круга Бабино. В культурно-историческом плане появление срубной культуры в Северном Приазовье связывается с продвижением в этот регион носителей памятников покровского типа из Лесостепного Подонья через бассейн Северского Донца при определенном участии автохтонного бабинского населения.

Ключевые слова: срубная культура, покровский тип памятников, поздний бронзовый век, могильники, культурогенез, Северное Приазовье.

При систематизации любых археологических материалов основной источниковедческой задачей является создание периодизационной схемы, которая завершает типологическое изучение отдельных категорий инвентаря и выступает базой для последующих исторических реконструкций. Не составляет исключения и периодизация могильников срубной культуры Северного Приазовья. Первые попытки систематизации материалов эпохи бронзы были предприняты уже более века назад Д.Я. Самоквасовым [Самоквасов 1892; 1908], А.А. Спицыным [Спицин 1899], Н.Е. Бранденбургом [Бранденбург 1899; Журнал... 1908] и А.А. Бобринским [Бобринский 1901]. Все эти усилия оказались неудачными или мало результативными, поскольку в основе систематизаций лежали единичные, случайные признаки.

На подлинно научной основе первые периодизационные разработки на материалах степной бронзы были выполнены В.А. Городцовым [Городцов 1905; 1907]. Взаимная корреляция результатов типологии форм погребального обряда и инвентаря, а также применение стратиграфического метода позволили исследователю разработать схему, которая просуществовала почти без изменений столетие [Городцов 1916]. Живучесть этой периодизации обусловлена, в первую очередь, тем, что стратиграфия, погребальный обряд и инвентарь выступали взаимодополняющими признаками.

Сложность интерпретации погребальных памятников срубной культуры Северного Приазовья обусловлена наличием различных подходов к их культурно-исторической оценке. В первую очередь, это относится к проблеме формирования местных срубных древностей, как и всей срубной культуры в ее западном ареале. При ее решении в историографии укоренилось два основных подхода – автохтонная и миграционная концепции культурогенеза. К проблеме происхождения срубной культуры впервые обратился В.А. Городцов, который, основываясь на данных стратиграфии и различиях устройства северскодонецких погребальных сооружений, выделил периоды ранней, средней и поздней бронзы. Этим периодам соответствовали ямная, катакомбная и срубная культуры, а также группа погребений в каменных ящиках и на горизонте [Городцов 1905, с. 174-225; 1907, с. 211-285]. Исследователь пришел к заключению, что “срубный” народ появился здесь позже “катакомбного” и не был с ним связан генетически [Городцов 1905, с. 209]. В то же время, можно отметить наблюдения В.А. Городцова относительно локализации погребений в

каменных ящиках, которые ни разу не были встречены в Изюмском уезде, а обнаружены исключительно на правом берегу Бахмута и в верховьях Кальмиуса. Автор предположил, что ареал массового распространения данного типа погребальных конструкций лежит к югу и юго-востоку от Бахмута, а появление их здесь, вероятно, связано с продвижением народа с Северного Кавказа [Городцов 1907, с. 237, 248]. Комплексную характеристику срубной культуры В.А. Городцов дал в своей энциклопедической статье “Бронзовый век на территории СССР”, в которой на значительном археологическом материале, полученном в ходе масштабных раскопок в Харьковской и Екатеринославской губерниях, была сформирована миграционная концепция происхождения срубной культуры. Исследователь отметил ее пришлый характер здесь, при этом конкретный исходный регион переселения носителей срубной культуры указан не был [Городцов 1927].

Здесь необходимо заметить, что классическая периодизация эпохи бронзы, разработанная еще в начале XX в., в неизменном виде функционировала до 1960-х гг., пока С.С. Березанской не была выделена культура многоваликовой керамики, занявшая место между катакомбной и срубной культурами [Березанская 1960, с. 26-41]. Время существования этой культуры было определено как переходный период от среднего к позднему бронзовому веку. Позднее для этой культуры было предложено более корректное эпонимное название – “бабинская культура” [Братченко 1977, с. 21-42], а через время культура “повысила” свой таксономический статус до “культурного круга Бабино” [Литвиненко 2009, с. 21-25]. В конце 1960-х гг. была выделена сабастиновская культура, которая была отнесена к эпохе поздней бронзы [Шарафутдинова 1968, с. 16-34]. К середине 1980-х гг., после выделения белозерской культуры, контуры периодизационной схемы эпохи бронзы были уточнены и дополнены еще одним периодом – финальной бронзы [Отрошенко 1985, с. 519-526; 2001, с. 178-193].

Первая серьезная концепция происхождения и развития срубной культуры была предложена в середине 1950-х гг. О.А. Кривцовой-Граковой [Кривцова-Гракова 1955]. На материалах позднебронзового века Поволжья, Подонья и Причерноморья было выделено два этапа срубной культуры – ранний (белозерский) и поздний (сабастиновский). Рассматривая генезис срубной культуры, исследовательница использовала концепцию ступеней развития хвалынской культуры, акцентировав внимание на полтавкинских древностях, как генетической подоснове срубных. Результатом миграции срубных племен из заволжских степей, через Подонье, на запад явилось появление срубной культуры в Северном Причерноморье и Приазовье, причем на белозерском и позднейшем сабастиновском этапе, переходящем в раннескифскую культуру [Кривцова-Гракова 1955, с. 131-132]. Этой точки зрения впоследствии придерживались и другие исследователи [Березанская 1982, с. 40; Лесков 1971, с. 405; Тереножкин 1965, с. 63-65].

По мнению О.А. Кривцовой-Граковой, отсутствие поселений первого периода в Северном Приазовье, а также материалы разведок на Нижнем Дону и прибрежной полосе Азовского моря могут свидетельствовать о том, что срубная культура в этих районах не исконна и не является следствием развития местных культур эпохи бронзы. Кроме того, срубная культура распространяется здесь в результате расселения племен в относительно позднее время, уже во втором периоде. Таким образом, время появления срубной культуры в Северном Причерноморье было отнесено исследовательницей к началу “хвалынского” этапа и датировалось XIII-XII вв. до н.э. [Кривцова-Гракова 1955, с. 10-12, 98, 155]. Однако, как справедливо отмечалось впоследствии, значительным упущением данного монографического исследования следует признать то обстоятельство, что построения автора были основаны, главным образом, на материалах поселений, в то время как такой важный источник, каким являются могильники, был просто оставлен без должного внимания [Литвиненко 1994, с. 15].

О.А. Кривцова-Гракова предложила расширенное понимание сконструированной ею культуры, вобравшей в себя и хвалынскую культуру П.С. Рыкова, и срубную, киммерийскую

и хвалынскую культуру В.А. Городцова, и своеобразные группы древностей Восточного Крыма и дельты Дона. За ними всеми исследовательница закрепляет термин “срубная культура”. Высказанная точка зрения на многие годы вперед предопределила характер научных построений и прочно утвердилась в историографии. Уточнение относительной и абсолютной хронологии привело в дальнейшем к формированию представлений о трехступенчатой схеме периодизации срубной культуры в Украине (раннесрубный, сабастиновский и белозерский этапы) [Телегин 1961; Тереножкин 1965]. Изучение материалов Ушкалки позволило Д.Я. Телегину поставить вопрос о пересмотре предложенной О.А. Кривцовой-Граковой хронологии памятников поздней бронзы Нижнего Поднепровья, выделявшей здесь два последовательных этапа – белозерский и сабастиновский. Надежная стратиграфия Ушкалки дала возможность автору наметить обратную хронологическую последовательность в развитии этих памятников, при которой поселения типа Сабастиновки и Ушкалки I предшествуют времени распространения памятников типа Белозерки и Ушкалки II [Телегин 1961, с. 14].

В конце 1960-х гг. А.М. Лесков в результате обобщения материалов раскопок могильников на Нижнем Днепре, Северском Донце и в Северном Приазовье, а также поселенческих памятников на Осколе и Кальмиусе, пришел к выводу, что в приазовские и причерноморские степи срубные племена проникают уже на раннем, покровском, этапе. Таким образом, исследователь вновь подчеркивает миграционный характер происхождения срубной культуры в Северном Приазовье [Лесков 1967, с. 15-17]. Позднее, в своей обобщающей работе по срубной культуре Украины, автор уточнил эти положения, заметив, что поселения и погребальные памятники раннесрубного этапа известны лишь в бассейне Северского Донца. Причем в могильниках представлены в основном погребения в срубах, реже в каменных ящиках [Лесков 1971, с. 406-407]. Затем А.М. Лесков совместно с В.С. Бочкаревым впервые поднимают вопрос о постепенном, последовательном продвижении срубной культуры с востока и северо-востока и вытеснении ею на запад культуры многоваликовой керамики [Бочкарев, Лесков 1978, с. 23-24].

В целом, как модификацию положений О.А. Кривцовой-Граковой можно рассматривать концепцию, предложенную Б.Н. Граковым. Время существования срубной культуры было разделено на два периода. Первый период, представленный древностями Поволжья и Подонья, датируется XVI-XIII вв. до н.э. Второй этап характеризуется постепенным проникновением срубной культуры в Северное Приазовье и далее в Поднепровье, датируется XII-VII вв. до н.э. [Граков 1977, с. 110-140].

К середине 1970-х гг. формируется иной подход к решению вопроса генезиса срубной культуры на территории Левобережной Украины, в котором поволжским мигрантам отводилась роль лишь одного из компонентов. Характеризуя погребальные памятники “маевского локального варианта”, И.Ф. Ковалева и С.С. Волкобой отмечали, что присутствие в погребальном инвентаре сосудов с “многоваликовым” орнаментом может свидетельствовать о том, что памятники маевского типа возникают на основе консолидации местного “многоваликового” субстрата и восточного “андроновско-срубного” инфильтрата. Особенности обрядово-инвентарного комплекса позволили авторам отнести памятники маевского типа к “досабастиновскому” времени, синхронизировать их с новокумакским культурно-хронологическим горизонтом, покровскими и уразмаметовскими курганными древностями и датировать концом XVI-XV вв. до н.э. [Ковалева, Волкобой 1976, с. 19-21; 1978]. Несколько позднее эти положения были конкретизированы И.Ф. Ковалевой. Исследовательница, опираясь на курганную стратиграфию и сопоставительный анализ, предположила, что в качестве местной генетической основы срубной культуры на территории Орельско-Самарского междуречья выступает культура многоваликовой керамики, а между ней и собственно срубными древностями лежит горизонт синкретических памятников маевского типа. Таким образом, по мнению И.Ф. Ковалевой, наблюдается процесс постепенной смены традиционных “многоваликовых” обрядовых погребальных

норм новыми, характерными для срубной культурно-исторической общности [Ковалева 1981, с. 9-10, 69].

Автохтонную концепцию культурогенеза срубной культуры на территории Украины наиболее полно и последовательно сформулировал в своих работах Н.Н. Чередниченко. По мнению исследователя, единого центра сложения срубной культуры – исторической “прародины” – не существовало, а само формирование такого масштабного явления, как срубная культурно-историческая общность, является следствием глобальных событий первой половины II тыс. до н.э., выразившихся в резком взлете экономики древних обществ. Н.Н. Чередниченко приходит к выводу, что срубная культурно-историческая область состоит из отдельных культур, возникших на местной генетической основе, исходя из местной специфики археологической ситуации. Так, “многоваликово-абашевский” конгломерат выступает в качестве подосновы в бассейне Северского Донца, а культура многоваликовой керамики – на территории Среднего Поднепровья. Исследователь выделяет целый комплекс черт погребального обряда, выступающих аргументами в пользу генетической преемственности между “многоваликово-покровским” и “срубным” горизонтами исследуемого региона [Чередниченко 1986, с. 44-50, 77-78]. В связи с предложенной Н.Н. Чередниченко автохтонной концепцией культурогенеза срубной культуры, В.В. Отрощенко замечает, что на местное (причерноморское) происхождение сруба, как типа погребального сооружения, обратили внимание также некоторые российские исследователи [Левакова 1981, с. 44; Отрощенко 2001, с. 146].

Проблема “абашевских” памятников Украины возникла в 1980-х гг. в связи с исследованием в бассейне Северского Донца выразительных погребальных комплексов, содержащих керамику с абашевскими чертами. Анализируя культурно-хронологические группы погребений, Я.П. Гершкович выделяет “абашевскую” обрядово-хронологическую группу, которая стратиграфически расположена между группой погребений КМК (бабинских) и срубными комплексами. Выделенная автором исследования обрядово-хронологическая группа была синхронизирована с поздними погребениями абашевской общности Дона [Гершкович 1982, с. 54-58]. В специальной статье, посвященной абашевской культуре на территории Украины, С.С. Березанская намечает две разновременные группы абашевских проявлений на территории Украины – “многоваликово-абашевские” и “абашевско-срубные” и ставит вопрос о проникновении соответствующих групп населения на запад от Дона [Березанская 1987, с. 26-37]. В это же время ряд комплексов в Надпорожье с соответствующим инвентарем Н.Г. Салий были выделены как “срубно-абашевские” [Салий 1987, с. 97-100]. В ответ на поиски коллегами абашевских проявлений на территории Украины, О.В. Кузьмина замечает, что комплексов, адекватных классическому Абашеву, здесь нет, а имеющиеся абашоидные элементы следует связывать с относительно поздними донскими абашевскими памятниками и с комплексами типа Покровского могильника в Нижнем Поволжье [Кузьмина 1989, с. 118-119].

Важной вехой в разработке концепции культур срубной общности стало исследование Э.С. Шарафутдиновой, которой были определены ареальные особенности “срубных” захоронений, исходя из доминирующей ориентации покойников и техники нанесения орнамента на посуду. Юго-западный ареал (восточная ориентация покойников, шнуровой декор керамики), согласно автору, охватывал нижнее течение Северского Донца, Нижнее Подонье, степное Приднепровье, в том числе и территорию Северного Приазовья. Имеющиеся ареальные различия исследовательница объяснила обстоятельствами хронологического порядка в пределах эволюционного развития единой срубной культуры [Шарафутдинова 1992, с. 37-39]. В дальнейшем В.В. Отрощенко, развивая наблюдения Э.С. Шарафутдиновой, выделил две погребальные традиции или линии развития срубной общности и предложил разделить имеющиеся памятники на покровскую и бережновско-маевскую срубные культуры [Отрощенко 1994; 1997; 2000; 2001; 2002 и др.].

С начала 1990-х гг., работая в рамках покровского тренда, Р.А. Литвиненко [Литвиненко 1993; 1994; 1995] и Э.С. Шарафутдинова [Шарафутдинова 1993; 1995] выделяют периферийные локальные группы памятников покровского типа, которые были отнесены к срубной культуре, при этом с них снималась абашевская культурная атрибуция. Памятники покровского типа Северского Донца и Нижнего Дона, согласно Э.С. Шарафутдиновой, будучи характерными для этого культурного типа, лишены определенной части своих черт. Здесь не обнаружены богатые воинские захоронения с характерными категориями вещей, некоторые категории инвентаря отсутствуют либо малочисленны, в керамике менее выразительны восточные черты и т.д. Все эти факты объясняются автором периферийным характером северскодонецких и нижнедонских памятников покровского типа и их более поздним возрастом. Здесь уже утрачены более яркие признаки “героической эпохи”, то есть отсутствуют в погребальном обряде признаки социального характера и слабо выражены черты, отражающие истоки и культурные контакты с востоком. Относительно поздний возраст указанных погребений может также подтверждаться проявлением черт, типичных для срубной культуры. В обряде исчезают вытянутые погребения на боку или на спине, сосуществует слабая и средняя скорченность погребенного и возрастает процент ориентировки на восток, появляются характерные для срубной культуры формы керамики [Шарафутдинова 1995, с. 100-103].

К вопросам, связанным с появлением и начальным этапом развития срубной культуры в Северном Приазовье и Подонцовье неоднократно обращался в своих работах Р.А. Литвиненко [Литвиненко 1993; 1994; 1995; 1999 и др.]. По мнению исследователя, в Приазовье нет ярких памятников покровского типа, которые рассматриваются в качестве переходного и наиболее раннего пласта формирования срубной культуры. Здесь представлена уже сложившаяся культура, в наиболее ранних памятниках которой фиксируются лишь отдельные покровские элементы [Литвиненко 1994б]. В Северном Приазовье известно лишь несколько погребений с размытыми покровскими чертами в обряде и инвентаре, которые, “очевидно, соответствуют по времени концу раннего – началу развитого этапа могильников Подонцовья. Но именно эти комплексы являются наиболее ранними для срубной культуры Приазовья, следующими по времени за КМК” [Литвиненко 1994, с. 172].

Особое внимание Р.А. Литвиненко обращает на то обстоятельство, что самые выразительные из этих комплексов, сопоставимые с покровскими древностями, территориально смещены к северо-востоку, откуда шло распространение памятников покровского типа. Это в очередной раз подтверждает тенденцию постепенного ослабления покровского импульса при движении в западном направлении, неоднократно отмечавшуюся в литературе [Литвиненко 1995, с. 81; 1999, с. 21; Шарафутдинова 1993, с. 89; 1995, с. 100; Отрощенко 2013, с. 162 и др.]. Анализ погребений покровского типа в Донецкой и Луганской областях Украины позволил исследователю прийти к заключению, что эти комплексы фиксируют не кратковременный хронологический срез, а охватывают значительный промежуток времени. При этом более ранние погребения почти аналогичны классическим памятникам покровского типа, а поздние, к которым относится большинство обнаруженных здесь комплексов, при сохранении некоторых покровских черт, характеризуются появлением срубных погребальных традиций [Литвиненко 1995, с. 79].

К проблеме культуригенеза срубной культуры Северного Приазовья обращался в своих работах и В.А. Самар. Так, покровская культура (по терминологии автора), являясь на территории Приазовья периферийной, “несет в себе черты одновременной ей КМК и формирующейся срубной” [Самар 1998, с. 75]. В пределах Приазовской возвышенности погребения с “покровскими” и “покровско-многоваликовыми” чертами перекрывают именно ранние бабинские комплексы. Поздние бабинские комплексы и погребения “покровской” культуры в Северном Приазовье сближаются северной ориентировкой и слабоскорченным положением умерших, некоторыми формами и орнаментальными композициями керамики, а

также положением рук при погребении. Исследователь отмечает также, что на смену валику в “покровской” культуре приходят грубые расчески, каплевидные и фигурные наколы на посуде, сохраняя при этом идею рельефности орнамента. Появляются новые виды украшений и оружия [Самар 1998, с. 82].

Существование так называемых переходных, “покровско-срубных” погребений объясняется Э.С. Шарафутдиновой относительно плавной и постепенной эволюцией памятников покровского типа в срубную культуру, что затрудняет их точную культурную атрибуцию. Основным культурным признаком или критерием для их выделения автором признается керамика (какие-либо покровские детали в форме или орнаменте), поскольку другие категории изделий в поздних памятниках покровского типа встречаются редко [Шарафутдинова 1995, с. 103].

При выделении комплексов покровского типа на Северском Донце Р.А. Литвиненко решающую роль также отводил керамике. Посуда в покровских захоронениях (главным образом, горшки и банки) часто стояла за головой, спиной, у живота и у ног умершего. Немногочисленные остросреберные сосуды встречаются здесь в основном в позднепокровских комплексах. Среди характерных особенностей покровской керамики автором называется колоколовидная форма сосудов, внутренний уступ на шейке, орнаментация внутренней стороны и среза венчика. Орнаментация сосудов довольно проста, сложные композиции, характерные для развитой срубной культуры, отсутствуют. Орнамент представлен горизонтальными желобками, зигзагами, реже треугольниками и вписанными ромбами, выполненными крупнозубчатым штампом и прочерчиванием. Значительная часть керамики не орнаментирована. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов часто обработаны крупнозубчатым штампом, оставившим характерные рельефные следы-борозды. Эти следы следует отличать от обычных, иногда глубоких и беспорядочно расположенных расчесов, которые были оставлены травой или щепой на более поздней срубной керамике. Примесь ракушки в керамике встречается довольно редко. В поздних покровских комплексах появляется керамика, по форме и орнаменту уже напоминающая посуду развитой срубной культуры, но еще сохраняющая некоторые характерные особенности покровских сосудов. В целом, по мнению Р.А. Литвиненко, керамический комплекс покровских памятников нижнего течения Донца отличается определенной аморфностью [Литвиненко 1995, с. 73-74].

Учитывая опыт предшественников [Литвиненко 1994б; 1999] и опираясь на разработанные критерии памятников покровского типа соседних регионов (Северский Донец и Нижний Дон), автор настоящей статьи попытался выделить и охарактеризовать древнейшие памятники срубной культуры Северного Приазовья (рис. 1). Проведенная работа показала, что самые ранние приазовские погребения срубной культуры также характеризуются определенными покровскими чертами. Их отличает основное или впускное положение в кургане; погребения совершены в грунтовых ямах, перекрытых деревом, реже камнем. Погребенные лежат на левом боку, в слабо или среднескорченном положении, головой ориентированы в северный сектор с отклонением к северо-востоку, реже к северо-западу. Керамический комплекс в основном характеризуется развитыми “срубными” формами остросреберной, горшковидной и баночной посуды. Однако среди них выделяется серия сосудов, отличающаяся целым рядом выше перечисленных архаических черт, восходящих к покровским традициям (размещение в погребении, форма, орнамент, технология). Другие категории инвентаря представлены бронзовыми ножами со слабо выраженными выемками, намечающими ромбическое перекрестье, змеевидным окончанием черенка и соответствующими метрическими коэффициентами соотношения длины и ширины клинка; бронзовыми височными подвесками; перстнем со спиральными щитками; фаянсовым и сурьмяным бисером; костяным “гребнем”; кремневыми отщепами и пластинами; каменной булавой и астрагалами [сравни: Литвиненко 1994б; 1999].

Рис. 1. Могильники срубной культуры Северного Приазовья с погребениями с покровскими чертами: 1 – Шахтерск, 2 – Ханженково, 3 – Покровка, 4 – Белояровка, 5 – Русский колодец, 6 – Старобешево, 7 – Васильевка, 8 – Стыла, 9 – Петровское, 10 – Балашовка, 11 – Новотроицкое, 12 – Ивановка, 13 – Безыменное, 14 – Огородное, 15 – Антоновка, 16 – Каменная Могила, 17 – Попоризовка

Fig. 1. Burial grounds of Timber-Grave culture of Northern Azov with Pokrovk features

С другой стороны, можно предположить, что обрядово-инвентарный комплекс самых ранних приазовских погребений срубной культуры в равной степени также характеризуется определенным набором синкретических черт, отображающих автохтонную бабинскую традицию (позиция рук, ориентация покойников, пережитки в материальном комплексе и т.д.). Однако из-за недостатка места в данной статье, это задача оставлена для дальнейшего всестороннего исследования.

Учитывая относительно позднее появление срубной культуры в Северном Приазовье, по сравнению с северскодонецким регионом, где стратиграфическая ситуация позволила предположить синхронность памятников покровского типа и поздней бабинской культуры, Р.А. Литвиненко не удалось уверенно синхронизировать названные горизонты в исследуемом регионе [Литвиненко 1999, с. 21]. В какой-то мере прояснить ситуацию относительно времени появления срубной культуры в Северном Приазовье можно, обратившись к материалам поселенческих памятников.

Особое значение для понимания процесса сложения срубной культуры в интересующем нас регионе имеют бытовые памятники, исследованные в Приазовье. Проблема взаимоотношения пришлого восточного и местного бабинского населения степной зоны Северного Приазовья в отличие от бассейна Северского Донца оказалась значительно менее изученной [Горбов 2001, с. 213]. Впервые вопрос о возможности палеоконтактов “раннесрубного” и “многоваликового” населения по поселенческим материалам Приазовья был поднят О.Г. Шапошниковой, которой в середине 1960-х гг. были проведены исследования многослойного поселения Раздольное в среднем течении р. Кальмиус

[Шапошнікова 1965]. Материалы четвертого горизонта поселения автором были определены как раннесрубные. Здесь было зафиксировано совместное залегание керамики обеих традиций, в том числе “на численно преобладающей раннесрубной керамике прослежены следы воздействия КМК”. Применение камня в домостроительстве также рассматривалось автором как влияние местной традиции. Таким образом, О.Г. Шапошнікова смогла предположить, что “в Северном Приазовье срубная культура сформировалась на основе КМК и восточного компонента” [Шапошнікова 1970, с. 147-150].

Вскоре на основании материалов донецких поселений Т.А. Шаповалов пришел к выводу, что под воздействием “абашевского” (покровского) населения местный “многоваликовый” этнос на определенном этапе приобретает “многоваликово-абашевский” облик. В пользу этого может свидетельствовать не только совместное залегание керамики на ряде поселений, но также наличие определенного количества синкретической керамики, сочетающей “многоваликовые” и “абашевские” черты [Шаповалов 1979, с. 71-72]. В 1980-х–1990-х гг. В.Н. Горбовым и А.Н. Усачуком на территории Приазовской низменности были проведены масштабные стационарные исследования срубных поселений. На поселении Безыменное-I был открыт комплекс, характеризующийся покровскими признаками, что позволило авторам отнести его к первому горизонту поселений Северо-Восточного Приазовья [Горбов 1996]. Однако здесь не было зафиксировано присутствие бабинского компонента. Учитывая это, и опираясь на вывод Р.А. Литвиненко [Литвиненко 1994б, с. 29] о заселении ранними срубниками приазовских степей, покинутых бабинцами, В.Н. Горбов предположил, что на позднем своем этапе, совпавшем с аридизацией, носители бабинской культуры покидают засушливую Приазовскую низменность, но одновременно продолжают жить на возвышенности с ее более мягким климатом [Горбов 2000, с. 55; 2001а, с. 156].

Обратившись к материалам раскопок 1960-х гг. О.Г. Шапошніковой и проведя собственные комплексные стационарные исследования на поселении Раздольное, В.Н. Горбову и А.Н. Усачуку удалось в дальнейшем подтвердить это предположение. В целом, особенности керамического комплекса поселения позволили авторам раскопок соотнести его с выделенной Р.А. Литвиненко в Северо-Восточном Приазовье группой погребальных памятников с покровскими чертами, выраженными в “размытом виде”. Кроме того, при оценке возможности межкультурных контактов особое внимание было уделено наличию синкретической керамики, отображающей бабинскую и покровскую керамическую традиции [Горбов 2001а, с. 181; Литвиненко 1999, с. 19]. Однако В.Н. Горбов и А.Н. Усачук, в отличие от О.Г. Шапошніковой, появление у “многоваликовцев” на позднем этапе стационарных жилищ с облицованными камнем стенами, связывают с влиянием пришлого “раннесрубного” населения [Горбов 2001а, с. 194]. Применение камня в домостроительстве “раннесрубно-многоваликовского” горизонта связывается с восточной традицией [Горбов 1997], а сам раздольненский комплекс этого времени также относится к первому горизонту поселений Северо-Восточного Приазовья [Горбов 1996].

Таким образом, приазовские поселенческие материалы свидетельствуют о сравнительно раннем проникновении восточного населения в регион. Особенности домостроительства и керамического комплекса поселения Раздольное позволили авторам раскопок отнести его к концу “позднепокровского – началу раннесрубного” времени, а датирующие предметы и анализ керамики – синхронизировать с поздней бабинской культурой. Носители срубной культуры уже на самом раннем этапе осваивают приазовские степи: на Приазовской низменности они занимают практически пустующие земли, а на возвышенности – вступают в контакт с носителями бабинской культуры [Горбов 2001, с. 220].

Картографирование приазовских курганных могильников культурного круга Бабино позволило выявить интересную ситуацию. Несмотря на значительную плотность исследованных могильников, погребения бабинской культуры полностью отсутствуют в приморской полосе Азовского моря шириной около 30 км. Дифференцированное картографирование поздних бабинских погребений выявило полное их отсутствие в

бассейнах Еланчиков и Кальмиуса, кроме верхнего течения. Подобная ситуация отмечается исследователями и в отношении поселенческих памятников. Таким образом, появление в Приазовье памятников конца раннего – начала развитого этапов срубной культуры, известных по материалам курганных могильников, объясняется наличием образовавшейся “лакуны” [Санжаров, Литвиненко 1993, с. 24-25]. В целом, “раннесрубно-многоваликовский” горизонт Раздольного, в соответствии с теорией двух линий развития срубной культуры В.В. Отрощенко, рассматривается авторами в контексте формирования бережновско-маевской срубной культуры на основе бабинских памятников, под влиянием покровского импульса [Горбов 2001а, с. 194; Отрощенко 2001, с. 83].

На этом фоне вполне закономерно выглядят попытки исследователей, опираясь на материалы археологии и палеогеографии, определить наиболее оптимальные пути, по которым осуществлялось проникновение покровского населения в приазовские степи. Так, В.В. Отрощенко предположил, что в эпоху поздней бронзы между Доном и Северским Донцом обмен и передвижения, в том числе миграции раннесрубных (покровских) племен осуществлялись по двум направлениям. Первое направление связано с путем, проходившим от Дона вдоль р. Белая и вдоль нее на р. Айдар. Второй путь – от Дона вдоль р. Тихая Сосна на р. Валуй и р. Оскол [Отрощенко 1995, с. 18-19].

Дальнейшее продвижение срубных племен на запад В.А. Ромашко связывает с направлениями, продолжающими намеченные выше пути. Первое направление связывало Нижнее Подонцовье и Северо-Восточное Приазовье со степной зоной Левобережной Украины. Однако исследователем отмечаются некоторые трудности в определении в большинстве случаев конкретных географических привязок путей передвижения, учитывая широкий диапазон удобных для передвижения равнинных участков на этой территории и отсутствие серьезных водных преград. Один из таких путей, согласно В.А. Ромашко, мог проходить вдоль р. Волчьей. Этот путь связывал Приазовье и бассейн р. Самары, чем объясняется близость керамических комплексов нижнего горизонта поселений Богуславского археологического микрорайона и Обиточной-12. Еще один путь проходил вдоль северного побережья Азовского моря в направлении переправы через Буго-Днепровский лиман [Ромашко 2013, с. 221]. Этот путь, по мнению ряда исследователей, в конце бронзового и раннем железном веках был частью континентальной магистрали, связывающей южные районы Северного Причерноморья с Поволжьем и Приуральем [Копылов 1994, с. 91; Ромашко 2013, с. 221; и др.]. Второе направление предполагает наличие в бронзовом веке путей, проходивших по междуречью рек Самара и Орель, связывающих бассейн Северского Донца с Поднепровьем [Ковалева 1981, с. 3; Ромашко 2013, с. 221].

Согласно Э.С. Шарафутдиновой, “хронологическая позиция памятников покровского типа (ППТ) выяснена достаточно определенно. Они следуют за памятниками заключительного этапа эпохи средней бронзы и предшествуют срубным. Среднедонская катакомбная культура и связанные с ней памятники КМК были сменены покровским культурным типом. Такая последовательность подтверждается случаями прямой стратиграфии, неоднократно прослеженными на Северском Донце и Нижнем Дону. При этом автором отмечается “определенное взаимовлияние поздней КМК и вытесняющих ее ППТ; это происходило при стыковке обеих культурных групп, а также в связи с их пограничным расположением в результате смены и вытеснения первых (КМК) вторыми (ППТ)” [Шарафутдинова 1995, с. 103-104]. В свою очередь, многочисленные стратиграфические наблюдения позволили В.В. Отрощенко прийти к заключению, что физические контакты между носителями бабинской культуры и покровской срубной культуры имели место. При этом местное население явно находилось в подчиненном положении относительно пришлого. Далее автор приходит к выводу, что “потомки КМК под влиянием покровского населения изменили свой погребальный ритуал, а не восприняли механически обряды покровских пришельцев. Последние же, составляя этническое меньшинство, со временем перешли на обряд БМСК и окончательно растворились в местном окружении” [Отрощенко 2001, с. 152].

По мнению Р.А. Литвиненко, в Северном Приазовье и Нижнем Приднепровье в означенный период наблюдается следующая ситуация. Древности ПСК в регионе отсутствуют, поэтому в курганной стратиграфии наблюдается следование за бабинскими ранними комплексами БМСК [Литвиненко 1999, с. 19-21]. Учитывая хронологический приоритет ПСК перед БМСК, надежно подтвержденный стратиграфией могильников и поселений, а также типологией находок, автор приходит к выводу об определенном запаздывании процесса смены бабинской культуры срубной в Днепро-Донецком регионе, по сравнению с Доно-Донецким. Общая последовательность культурных изменений в конце средней – начале поздней бронзы в рассматриваемом регионе, согласно Р.А. Литвиненко, имеет следующий вид: позднекатакомбная культура (преимущественно днепровская/ингульская, меньше бахмутская) → бабинская (ДДБК III + ДПБК) → срубная (БМСК) [Литвиненко 2009, с. 19].

Стратиграфические колонки курганов Надпорожья позволили В.В. Отрощенко рассматривать погребальные комплексы в контексте последовательной смены археологических культур: ДДБК – ПСК – БМСК с признанием факта определенной синхронизации относительно поздних захоронений ПСК с ранними захоронениями БМСК. Эти культурные горизонты отражают последовательность процессов переходного периода в эпоху поздней бронзы. В частности, прослеживается процесс трансформации ДДБК в БМСК с участием ПСК. Принципиально важным, по мнению автора, является присутствие выразительных покровских элементов на начальном этапе эпохи поздней бронзы. Однако, судя по имеющимся материалам, покровское влияние имело место лишь на позднем, заключительном этапе ДДБК [Отрощенко 2013, с. 164].

Некоторые особенности обрядово-инвентарного комплекса надпорожских курганов, по мнению исследователя, в целом не противоречат более ранней дате захоронений ПМСК и дают возможность говорить об участии ее носителей в формировании БМСК на территории Днепровского Левобережья. В то же время, эти материалы позволили четко очертить границы проникновения на запад отдельных покровских проявлений. Своеобразие существующей картины взаимопроникновения культурных традиций В.В. Отрощенко объясняет сложным процессом трансформации ДДБК на территории Днепровского Левобережья в БМСК. Роль катализатора здесь выполнили относительно немногочисленные группы носителей ПСК. Таким образом, в Нижнем Приднепровье и Надпорожье имела место не последовательная смена культур (ДДБК – ПСК – БМСК), а наложение покровских черт на поздний пласт памятников культурного круга Бабино [Отрощенко 2013, с. 165]. Согласно В.В. Отрощенко, бабинский субстрат для формирования БМСК признается базовым от Днепра до Волги. Второй важной составляющей формирования БМСК признается население ПСК, которое просочилось в степь на первом этапе своего развития. При этом подчеркивается, что БМСК сформировалась именно в зоне покровских проникновений и воздействий [Отрощенко 2001, с. 155; 2002, с. 20]. Все это чрезвычайно важно для понимания культурных и миграционных процессов, а также исторических судеб носителей срубной культуры Северного Приазовья в эпоху поздней бронзы.

Выводы. Таким образом, можно сделать следующие общие выводы. Картографирование приазовских погребальных памятников срубной культуры с покровскими чертами показало, что единичные комплексы располагаются на южных и юго-восточных отрогах Донецкого кряжа, территории Приазовской возвышенности, спорадически распространяясь далее на юг, к Азовскому морю, и на запад, в Нижнее Приднепровье и Надпорожье (рис. 1). В целом же подавляющая часть покровских памятников тяготеет к бассейну Северского Донца, очерчивая предположительный ареал, из которого они проникали в Приазовские степи. В Северном Приазовье памятники срубной культуры хронологически сменяют древности культурного круга Бабино.

В Северном Приазовье срубная культура представлена в уже сложившемся виде, в наиболее ранних комплексах которой фиксируются отдельные покровские черты или

проявления. Стратиграфические наблюдения фиксируют перекрывание ранних бабинских горизонтов комплексами с покровскими элементами. Подтверждается тенденция постепенного ослабления покровского импульса при движении в западном направлении. В культурно-историческом плане появление срубной культуры в Северном Приазовье мы связываем с продвижением в этот регион носителей памятников покровского типа из Лесостепного Подонья через бассейн Северского Донца при активном участии автохтонного бабинского населения. Здесь имела место не последовательная смена культур (ДДБК – ПСК – БМСК), а наложение покровских черт на поздний пласт памятников культурного круга Бабино. Покровские черты в памятниках срубной культуры Северного Приазовья выражены крайне слабо, в размытом виде и очень быстро исчезают в начале ее раннего этапа.

Забавін В.О.

ДО ПРОБЛЕМИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗИ ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ ПІВНІЧНОГО ПРИАЗОВ'Я

У статті розглянуті питання, пов'язані з культурогенезом зрубної культури Північного Приазов'я, її появою тут і початковим етапом розвитку. Наведено історіографічний огляд проблематики, розглянуті основні концепції генезису і розвитку зрубної культури в досліджуваному регіоні. Визначено ряд обрядово-інвентарних ознак, що характеризують найбільш ранні поховання зрубної культури Північного Приазов'я з покровськими рисами. Саме ці комплекси визнані найбільш ранніми для зрубної культури регіону, які слідують за похованнями культурного кола Бабино. У культурно-історичному плані поява зрубної культури в Північному Приазов'ї пов'язується з просуванням в цей регіон носіїв пам'яток покровського типу з Лісостепою Донщини через басейн Сіверського Дінця за активної участі автохтонного бабинського населення. Тут відбувалася не послідовна зміна культур (ДДБК – ПЗК – БМЗК), а накладення покровських рис на пізній пласт пам'яток культурного кола Бабино. Найбільш ранні поховання відрізняє основне або впускне положення в кургані. Поховання здійснені в ґрунтових ямах, що перекриті деревом, рідше камінням. Небіжчики лежать на лівому боці, в слабо або середньо скорченому положенні, головою орієнтовані до північного сектору. Керамічний комплекс переважно характеризується вже розвиненими “зрубними” формами. Проте виділяється серія посудин, що відрізняється низкою архаїчних рис, які відбивають покровські традиції. У ранніх похованнях горщики часто стояли за головою, спиною, у живота і біля ніг небіжчика. Інші категорії інвентарю представлено бронзовими ножами з неглибокими виїмками, що намічають ромбічне перехрестя; бронзовими скроневими підвісками; каблучкою зі спіральними щитками; фаянсовим і сурм'яним бісером; кістяним “гребнем”; крем'яними відщепами і пластинами; кам'яною булавою і астрагалами.

Ключові слова: зрубна культура, покровський тип пам'яток, пізній бронзовий вік, могильники, Північне Приазов'я, культурогенез.

Zabavin V.O.

TO THE PROBLEM OF CULTURAL GENESIS OF TIMBER-GRAVE CULTURE IN NORTHERN AZOV

The article considers questions related to cultural genesis of Timber-Grave culture of Northern Azov, its appearance here and the initial stage of development. Historiography overview of problems has been made. The basic concepts of the genesis and development of Timber-Grave culture in the study region were considered. Found the oldest layer of burials of Timber-Grave culture of Northern Azov, which are characterized by the transformed Pokrovsk features. Exactly these complexes are recognized as the earliest for Timber-Grave culture in the study region. They are following after the burials of Dnepr-Don Babyne culture. Investigation results on the materials of mostly funeral memorials have revealed an active role of Babyne's component in forming of Timber-Grave culture of Northern Azov. There did not take place consecutive change of cultures (DDBK – PSK – BMSK), but the imposition features of Pokrovsk on the late formation of Babyne culture. The earliest burial here distinguished by primary or inlet position in the barrow. Burials occurred in ground pits, covered with wood or stone in rare cases. Corpses lay on your left side, in a

weakly or moderately flexed position. Their heads are oriented in the northern sector with a deviation to the northeast, rarely to the north-west. The ceramic complex is mainly characterized by developed forms of pots of Timber-Grave culture. However, there is a series of pots, characterized by a number of archaic features that reflect the tradition of Pokrovsk. In the earliest burials pots often stood behind the head, back, near the stomach and at the feet of the deceased. Other categories of inventory are presented by the following finds: bronze knives and temple pendants; ring with spiral shields; faience and antimony beads; bone comb; flint products; stone mace and astragals.

Keywords: Timber-Grave culture, monuments of Pokrovsk type, the Late Bronze Age, cultural genesis, burials, Northern Azov.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Березанская С.С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине / С.С. Березанская // СА. – 1960. – № 4. – С. 26-42.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы / С.С. Березанская. – К.: Наук. думка, 1982. – 212 с.

Березанская С.С. Абашевская культура на территории Украины (миграции или контакты) / С.С. Березанская // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 26-37.

Бобринский А.А. Курганы и случайные находки близ местечка Смела / А.А. Бобринский. – СПб., 1901. – Т. 3. – 174 с.

Бочкарев В.С. О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом / В.С. Бочкарев, А.М. Лесков // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Т. 221. – Куйбышев, 1978. – С. 23-26.

Бранденбург Н.Е. Об аборигенах Киевского края / Н.Е. Бранденбург // Труды XI Археологического съезда. – М., 1899. – Т. I. – С. 155-169.

Братченко С.Н. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) / С.Н. Братченко // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 21-42.

Гершкович Я.П. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней – поздней бронзы кургана у с. Пришиб / Я.П. Гершкович // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 71-80.

Горбов В.Н. Раннесрубные поселенческие комплексы Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – Вып. 1. – С. 66-69.

Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века / В.Н. Горбов // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 145-162.

Горбов В.Н. Особенности домостроительства и планиграфии поселений в условиях степной зоны / В.Н. Горбов // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 55-60.

Горбов В.Н. О контакте архаической срубной и позднемноговаликовой культур на Приазовской возвышенности / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. – Самара, 2001. – С. 213-220.

Горбов В.Н. Раннесрубно-многоваликовский горизонт на поселении Раздольное в Приазовье / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // АА. – № 10. – Донецк, 2001а. – С. 155-196.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. / В.А. Городцов // Труды XII Археологического съезда. – М., 1905. – Т. I. – С. 174-225.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. / В.А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда. – М., 1907. – Т. I. – С. 211-285.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России / В.А. Городцов. – М., 1916. – 106 с.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР / В.А. Городцов // БСЭ. – Изд. 1-е. – М., 1927. – Т. 7.

Граков Б.Н. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы) / Б.Н. Граков. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 232 с.

- Журнал** раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888-1902 гг. – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – 222 с.
- Ковальова І.Ф.** Маївський локальний варіант зрубної культури / І.Ф. Ковальова, С.С. Волкобой // Археологія. – 1976. – Вип. 20. – С. 3-21.
- Ковалева І.Ф.** Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья / И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой // Курганные древности Степного Поднепровья. – Днепропетровск, 1978. – С. 32-45.
- Ковалева І.Ф.** Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке / И.Ф. Ковалева. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1981. – 78 с.
- Копылов В.П.** О транспортных сухопутных коммуникациях, проходящих через Дельту Дона в скифское время / В.П. Копылов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1994. – С. 89-91.
- Кривцова-Гракова О.А.** Степное Поволжье и Причерноморье в позднем бронзовом веке / О.А. Кривцова-Гракова // МИА. – 1955. – Вып. 46. – 167 с.
- Кузьмина О.В.** Относительная хронология культур абашевской КИО / О.В. Кузьмина // Проблемы історії та археології давнього населення УРСР. – К.: Наук. думка, 1989. – С. 118-119.
- Левакова Е.И.** К проблеме происхождения погребальных сооружений в срубной культуре Заволжья / Е.И. Левакова, Г.Г. Пятых // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. – К.: Наук. думка, 1981. – С. 44.
- Лесков А.М.** Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья / А.М. Лесков // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. – К.: Наук. думка, 1967. – С. 7-19.
- Лесков О.М.** Зрубна культура / О.М. Лесков // Археологія УРСР: в 3-х т. – К.: Наук. думка, 1971. – Т. 1. – С. 404-428.
- Литвиненко Р.А.** Критерии выделения памятников покровского типа в бассейне Северского Донца / Р.А. Литвиненко // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: тез. докл. конф. – СПб., 1992. – С. 86-87.
- Литвиненко Р.А.** Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): дис. ... канд. ист. наук. – К., 1994. – НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 750. – 345 с.
- Литвиненко Р.О.** Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06 – Археологія / Ін-т археології НАНУ. – К., 1994а. – 21 с.
- Литвиненко Р.А.** О раннем горизонте погребений срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы: тез. докл. Междунар. конф. – Днепропетровск, 1994б. – С. 28-29.
- Литвиненко Р.А.** Памятники покровского типа на Северском Донце / Р.А. Литвиненко // Археологические вести. – СПб., 1995. – № 4. – С. 73-82.
- Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.
- Литвиненко Р.О.** До відносної хронології культур середньої-пізньої бронзи басейна Сіверського Дінця (пропозиції щодо розв'язання проблеми) / Р.О. Литвиненко // Нові сторінки історії Донбасу. – Кн. 13/14. – Донецьк: Вид-во Дон. ун-ту, 2007. – С. 332-356.
- Литвиненко Р.О.** Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток) / Р.О. Литвиненко: автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.04 – Археологія / Ін-т археології НАНУ. – К., 2009. – 32 с.
- Отрощенко В.В.** Белозерская культура / В.В. Отрощенко // Археология Украинской ССР: в 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 519-526.
- Отрощенко В.В.** О двух линиях развития культур племен срубной общности / В.В. Отрощенко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: тез. докл. конф. – Запорожье, 1994. – Вып. 2. – С. 150-153.
- Отрощенко В.В.** Пути обмена – пути миграций / В.В. Отрощенко // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: матер. Укр.-Рос. семинара. – Луганск, 1995. – С. 18-19.
- Отрощенко В.В.** К вопросу о покровской срубной культуре / В.В. Отрощенко // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. – Саратов, 1997. – Ч. 1. – С. 70-72.
- Отрощенко В.В.** О культурах срубной общности / В.В. Отрощенко // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи: матер. междунар. науч. конф. – Воронеж, 2000. – С. 10-14.

Отрощенко В.В. Проблемы периодизации культур средней та пізньої бронзи Півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – К., 2001. – 288 с.

Отрощенко В.В. Історія племен зрубної спільності: автореф. дис. ... докт. іст. наук: 07.00.04 – Археологія / Ін-т археології НАНУ. – К., 2002. – 33 с.

Отрощенко В.В. Курган 1 біля с. Гнаровське в Надпоріжжі / В.В. Отрощенко, Н.Г. Салій // ДАЗ. – № 17. – Донецьк: Вид-во Дон. ун-ту, 2013 – С. 150-179.

Салій Н.Г. Новые материалы о контактах культур средней и поздней бронзы в Надпорожье / Н.Г. Салій // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. – С. 97-100.

Самар В.А. Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья / В.А. Самар // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998. – С.75-83.

Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации и каталог коллекций древностей / Д.Я. Самоквасов. – Варшава, 1892. – 101 с.

Самоквасов Д.Я. Могилы Русской Земли / Д.Я. Самоквасов. – М., 1908. – 271 с.

Санжаров В.А. Некоторые аспекты историко-культурной ситуации в Донецком Приазовье второй четверти II тыс. до н.э. / В.А. Санжаров, Р.А. Литвиненко // Донбасс и Приазовье: Проблемы социального, национального и духовного развития: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. – Мариуполь, 1993. – С. 24-25.

Спицин А.А. Курганы с окрашенными костяками / А.А. Спицин // Записки Российского Археологического Общества. – СПб., 1899. – Т. XI. – Вып. 1-2. – С. 3-97.

Телегін Д.Я. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я / Д.Я. Телегін // Археологія. – 1961. – Т. XII. – С. 3-15.

Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода / А.И. Тереножкин // СА. – 1965. – № 1. – С. 63-86.

Чердниченко Н.Н. История срубных племен Подонья (XV-IX вв. до н.э.) / Н.Н. Чердниченко: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06 – Археологія. – К., 1973. – 36 с.

Чердниченко Н.Н. Срубная культура // С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чердниченко, И.Н. Шарафутдинова. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 44-82.

Шаповалов Т.А. К вопросу о взаимоотношениях племен многоваликовой, абашевской и срубной культур в бассейне Северского Донца / Т.А. Шаповалов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк, 1979. – С. 70-73.

Шапошнікова О.Г. Звіт про роботу Кальміуського загону Приазовської експедиції ІА УРСР і 1964-65 рр. – НА ІА НАН України. – № 1964-65/11-б 4751.

Шапошнікова О.Г. Багатощарове поселення поблизу с. Роздольне на Кальміусі / О.Г. Шапошнікова // Археологія. – 1970. – Вип. XXIII. – С. 142-151.

Шарафутдинова И.Н. К вопросу о сабатиновской культуре / И.Н. Шарафутдинова // СА. – 1968. – № 3. – С. 16-34.

Шарафутдинова Э.С. Локально-хронологические особенности срубной культуры Нижнего Подонья / Э.С. Шарафутдинова // Северо-Западное Причерноморье (Ритмы культурогенеза): тез. докл. конф. – Одесса, 1992. – С. 37-39.

Шарафутдинова Э.С. Памятники покровского типа в Нижнем Подонье / Э.С. Шарафутдинова // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. – СПб., 1993. – С. 87-90.

Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце / Э.С. Шарафутдинова // Донские древности. – Вып. 4. – Азов, 1995. – С. 93-116.